

Ся Лан сохранял внешнее спокойствие, смиренно сказав:

— Если я могу быть чем-то полезен...

— Я ещё не задал вопрос, а ты уже спрашиваешь меня?

Холодный ветер, словно нож, пронёсся мимо уха, и молодой глава Павильона Ушоу с молниеносной скоростью схватил запястье Ся Лана. Стоя вплотную, он с улыбкой спросил:

— Старейшина Ся, что это ты задумал?

Жуань Линцзю перевернул его и прижал к земле. Ся Лан почувствовал, как мир вокруг него закружился, а его худое лицо с силой ударилось о холодную влажную землю, вызвав острую боль и исказив его черты. Ядовитая кровь потекла из уголка его рта, и чёрные гу, спрятанные на его теле, начали шевелиться, привлечённые её запахом.

Жуань Линцзю, небрежно наклонившись, поднял выкатившийся череп и с насмешкой произнёс:

— Не ожидал, что ты, старейшина Ся, окажешься таким преданным, что даже позаботишься о похоронах старого главы павильона.

Он рассмотрел чёрно-фиолетовые следы засохшей крови гу, застывшие в щелях черепа в виде жутких узоров, слегка поморщился, отодвинул его подальше и начал подбрасывать в воздух, то ловя, то снова подкидывая.

Старейшина Ся лежал неподвижно, а под ним чёрная масса гу, подобная приливу, постепенно расползалась.

Жуань Линцзю, глядя на «игрушку» в руке, словно не обращая внимания на происходящее вокруг, легко произнёс:

— Только вот, сжигая его кости, ты собираешься убить его сына, — он бросил взгляд на бамбуковую рощу позади себя, затем наклонился над Ся Ланом, — это не слишком благородно.

Ся Лан внезапно почувствовал, как его подняли в воздух, а затем с силой бросили на землю. Мощный удар вызвал порыв ветра, сметая всё вокруг на несколько чжанов, и гу, готовые к атаке, мгновенно превратились в пыль. Ся Лан почувствовал, как его внутренности скрутились в узел, а половина тела погрузилась в землю, лишив его возможности двигаться.

Жуань Линцзю выпрямился, одной рукой отряхивая грязь с рукава, а другой продолжая держать череп. Его глаза, чёрные, как чернильная метка, были бездонны, лишены жалости, и злости.

— Пожалуй, кроме тебя, никто не ценит его вещи, — сказал он. — Я, как едва состоявшийся преемник, из милости отправлю его в последний путь.

С этими словами он сжал пальцы, и череп с хрустом раскололся на куски, осыпавшись перед Ся Ланом.

Ся Лан, охваченный яростью, широко раскрыл глаза и, наконец, сбросил маску, яростно выкрикнув:

— Ты не глава павильона! Кто ты такой?!

Жуань Линцзю с презрением посмотрел на него и спросил:

— А кто, по-твоему, я?

Ся Лан:

— Ты не сумасшедший и не кровожадный, смерть старого главы павильона была подозрительной, у тебя, как у нового главы павильона, нет Призрачного Дьявола, ты...

Казалось, он был на шаг от истины, но Жуань Линцзю прервал его, взмахнув рукой.

Он поднял один палец:

— Я должен спросить тебя: это ты устроил засаду в лесу у подножия горы Ушоу в полнолуние?

Он поднял второй палец:

— Я также спрашиваю: это ты в уезде Фэньюань действовал от имени Павильона Ушоу без моего ведома, повсюду занимаясь торговлей убийствами?

Жуань Линцзю не остановился, подняв третий палец:

— И, наконец, это ты три года не подчинялся приказам главы павильона, не возвращался на гору Ушоу и тайно практиковал гу на живых людях?

Не дав Ся Лану ответить, Жуань Линцзю резюмировал:

— Теперь мы оба знаем правду. Раз все три пункта касаются тебя, не стоит тратить слова. По правилам павильона, ты знаешь, что тебя ждёт.

Ся Лан, загнанный в угол, внезапно нашёл в себе невероятные силы и, борясь за жизнь, закричал:

— Жуань Линцзю! Ты действительно хочешь уничтожить всех?! Разве тебе не интересно, кто предал тебя, кто тайно передавал мне информацию, кто дал мне гу высшего качества?! Убей меня, и ты никогда не узнаешь...

Жуань Линцзю рассмеялся:

— Всё, что мне нужно было знать, я уже знаю. А остальное...

— Мне не интересно.

Он щёлкнул пальцами, и на лбу Ся Лана появилась странная чёрная точка. Его зрачки расширились, белки глаз постепенно полностью почернели, и взгляд стал пустым, потухшим.

Он был мёртв.

Чжан Шигэ, даже находясь без сознания, не отдыхал — его ум был занят чередой бессвязных, путающих время снов.

Снилось ему детство: вот он только учится говорить, вот делает первые шаги — и на каждом этапе рядом с ним женщина, нежный образ матери.

Когда он подрост, начал бегать и познакомился с компанией сверстников, то стал у них заводилой, целыми днями окружённый свитой, устраивая разные проделки. Разрисовывал стены, срывал черепицу с крыш — шалости в основном безобидные и неоригинальные. Мать никогда не сердилась и не ругала его. Он рос, окружённый всеобщей любовью, и не ведал, что такое горечь жизни или людская вражда.

Затем сон переменялся: он стал чуть выше, лет десяти с небольшим, и в ливневую ночь подобрал у сточной канавы грязного, оборванного ребёнка. Тот не умел говорить, выглядел на пару лет младше и был истощён до желтизны и худобы, лишь глаза, чёрные, как чернильная метка, сияли, словно звёздная ночь.

Он упросил-таки мать оставить того ребёнка, делился с ним едой, сам учил его говорить и писать, наряжал в свою одежду.

Но небо внезапно потемнело, чья-то огромная ладонь закрыла собой весь мир, сон разорвался, и всё в мгновение ока рассыпалось на куски.

Человек, назвавшийся его отцом, обернулся из груды руин и трупов. Лицо его было бледным, скрытым нечеловеческой маской, голос хриплым и низким.

Он допрашивал его мать.

— Который мой сын?

Та женщина, которую он помнил всегда улыбающейся, с сияющими глазами, под пытками незнакомца уже была изуродована до неузнаваемости, конечности вывернуты, губы лишь беззвучно шевелились, издавая несвязные дрожащие звуки.

В последний миг, желая спасти самое дорогое, что у неё было в этом мире, она подняла тонкий палец и совершила великий обман.

Указала она не на свою кровную плоть, а на того безымянного подкидыша.

Мужчина склонил голову набок, улыбнулся и, переступив через её ещё тёплое тело, спросил:

— Это он?

Сам он не ответил.

Мужчина спросил другого ребёнка:

— Это ты?

Тот был необычайно умен и, хоть и учился всего несколько дней, знал мало иероглифов, уже понимал их разговор. Однако в тот момент он даже не взглянул на мужчину в маске, а спокойно, пристально смотрел на него.

Чего он ждал?

Ждал, что его спасут?

Или ждал, что тот скажет правду?

А какое выражение было в тот момент на его собственном лице?

Отчаяние?

Или мольба?

Во сне своё собственное лицо он разглядеть не мог.

Лишь ясно услышал собственное подлое и долгое молчание, а затем — спокойный и твёрдый голос другого:

— Это я.

...

Шлёп.

Громкая пощёчина по затылку вырвала Чжан Шигэ из сна и вернула в реальность.

Он, ещё полный ужаса, открыл глаза и встретился взглядом с теми самыми глазами, чёрными, как чернильная метка.

Чжан Шигэ, со слезами на глазах: «...»

Жуань Линцзю, холодно и безжалостно:

— Если сейчас не встанешь, то уже никогда не встанешь.

Некогда ясноглазый, послушный и смышлённый ребёнок вырос рядом с прежним главой Павильона Ушоу и стал тем, кем стал.

Чжан Шигэ, запинаясь:

— Глава павильона...

Все прежние главы Павильона Ушоу, разъедаемые зловещими искусстваами, имели нестабильный рассудок и характер, перепады настроения и провалы в памяти были не редкостью.

Неужели...

Жуань Линцзю, видя его слёзливо-сопливый вид, недоумённо:

— ?

— Глава павильона, я... ты... вы...

Вы ещё помните, кто я?

Жуань Линцзю явно не понимал его ностальгических порывов и, слегка поразмыслив над его выражением лица, сказал:

— Твой старший брат ещё не умер, не надо его оплакивать заранее.

— А! Мой старший брат! — Чжан Шигэ вытер слёзы с уголков глаз, отбросил сумбурные мысли и засуетился, проверяя пульс у всё ещё бесчувственного брата.

Жуань Линцзю саркастически заметил:

— С твоими-то скромными способностями он точно не умрёт.

— Прекрасно, хорошо, что я ленивый и ничему не научился, ха-ха-ха...

Видя, как Чжан Шигэ сквозь слёзы расхохотался, Жуань Линцзю закатил глаза к небу, размышляя, за какие же грехи судьба наградила его такими вот «талантливыми» подчинёнными.

Чжан Шигэ, убедившись, что брат в порядке, огляделся:

— А где старейшина Ся?

<http://bllate.org/book/16258/1462854>